Затем Тигр с некоторым унынием посмотрел на Си Цюэ, ожидая, что та переведет ему слова парня.

Си Цюэ не стала церемониться с ним и произнесла:

— Ты просто тигр, хватит уже обманывать самого себя.

Чу Мо услышал это и совершенно ничего не понял.

Си Цюэ пояснила:

— Когда он был совсем маленьким, охотники поймали его и затащили с горы, чуть не забив до полусмерти. Его бросили в снегу, а деревенские дети подобрали и спасли, приняв за маленького котёнка. Дети всё думали, что это кошка, и назвали его Хуху.

Позже Лао Ми постепенно подрос, в деревне начали что-то подозревать и даже попытались исподтишка схватить Лао Ми, чтобы продать подороже. После долгих беспорядков дети в конце концов отпустили Лао Ми обратно в горы.

Вспоминая события прошлых лет, Си Цюэ неизбежно преисполнилась легкой меланхолией.

То, что происходило до того, как она обрела разум и стала духом, помнилось ей смутно, но этот случай она помнила отчетливо.

Тигр, который мяукал по-кошачьи, ластился к людям, катался по земле и подставлял пузико, свято веря, что он — кот, и изо всех сил стараясь остаться жить с людьми.

Этот случай еще долго служил поводом для насмешек среди горных духов и демонов.

Горные тигры тоже презирали Лао Ми за его подлизывание к людям.

Но что толку в презрении, если Лао Ми пережил их всех?

Теперь среди горных тигров лишь один Лао Ми обладал зачатками разума.

Жаль только, что этот безынициативный тигр всю свою культивацию тратил исключительно на поддержание блестящей и мягкой шкурки, да так до сих пор и не научился говорить человеческим языком.

Его золотистый, пушистый мех вызывал умиление у любого, кто на него взглянет, но Лао Ми так и не дождался того, кого хотел дождаться — того, кто погладит его.

Си Цюэ погрузилась в задумчивость.

Слушая ее, Чу Мо вспомнил своего А-Хуана и на время забыл о страхе перед тигром. С легкой тоской он произнес:

— Разве тигр, этот Лао Ми, не мог тайком спускаться с горы, чтобы повидаться с детьми, или дети — тайком подниматься в горы, чтобы проведать Лао Ми?

Тигр, до этого хранивший молчание, издал пару звуков: хуху. Было очевидно, что ему совсем не хочется слушать их разговоры о печальном прошлом.

Бай Гу слушал вовсе не историю — его пустые глазницы были прикованы к пиале Чу Мо.

Заметив, что пиале Чу Мо опустела, он снова налил туда рыбного супа и вдобавок очистил для Чу Мо два диких яйца.

Чу Мо набрался смелости и посмотрел на Бай Гу, бормоча себе под нос:

— Спасибо.

Бай Гу не шелохнулся и продолжал молча смотреть на него.

Чу Мо перевел взгляд на Си Цюэ, но откуда же Си Цюэ было знать, что за штука этот Бай Гу? В конце концов, этот скелет появился из ниоткуда.

К тому же от груды костей у входа в пещеру вовсе не веяло демонической ци, а это значило, что перед ними не истинное тело Бай Гу.

В этом скелете таилась лишь крупица духовной энергии, лишенная собственного разума.

Си Цюэ невольно подумала: неужели этот скелет — частица духовной энергии спящего Горного Духа, которая вырвалась наружу?

Кости, оживленные крупицей духовной энергии, напоминали марионеток: у них не было самосознания, они лишь следовали задачам, заложенным их хозяином.

К тому же она чувствовала, что начиная со вчерашнего вечера Горный Дух будто бы подавал признаки пробуждения.

Бай Гу и впрямь вел себя странно: сейчас он даже закатал Чу Мо слишком длинные рукава, а затем опустился на колени и подогнул ему штанины. Чу Мо застыл соляным столбом,

выпрямившись во весь рост, приоткрыв рот от страха и не смея шевельнуться. Си Цюэ сказала:

— Ешь быстрее, а не то Бай Гу тебя еще и с ложечки кормить начнет.

Услышав это, Чу Мо в панике обхватил обеими руками суповую пиалу, которая казалась больше его лица, и принялся пить. Сперва он даже не смел издавать ни звука, но теперь желал лишь одного — поскорее всё выпить, так что суп аппетитно булькал.

Чу Мо подряд выпил две пиалы рыбного супа и съел два диких яйца, так что его живот набился до отказа.

Увидев, что Бай Гу собирается налить еще супу, он поспешно запротестовал, говоря, что больше не хочет.

Тогда Бай Гу забрал пиалу и палочки, чтобы помыть посуду.

Тигр, Си Цюэ и Чу Мо остались сидеть в растерянности, глядя друг на друга.

Си Цюэ размером с кулак придала своему лицу нарочито глубокомысленный вид:

— Должно быть, с этим Бай Гу тоже связана какая-то история.

— Быть может, он заботится обо мне, как о собственном ребенке? — серьезно предположил Чу Мо.

Си Цюэ перевела глаза, но больше ничего не сказала.

Чу Мо сжал ладони в кулаки и, робко глядя на тигра, произнес:

— Хуху, у тебя такая мягкая шерстка, просто прелесть. От одного взгляда на нее на душе становится так тепло и мягко.

Уши тигра шевельнулись, круглые глаза заблестели, но он лишь с напускной гордостью приподнял подбородок:

— Хуху!

Он каждый день ходил к горному озеру полюбоваться на свою шкуру и теперь считал себя настоящим пушистым одуванчиком, от красоты которого проплывавшие мимо рыбы замирали в изумлении.

Глядя на его горделивый вид, Чу Мо так и зачесались руки погладить зверя, но он все еще не смел. Он лишь не мог сдержать улыбку в уголке рта.

Покончив с едой, Тигр отправился патрулировать свои владения в горах.

Бай Гу молча следовал по пятам за Чу Мо, а впереди порхала щебечущая Си Цюэ, так что Чу Мо больше ни капли не боялся.

Чу Мо снова расспросил о Горном Духе и узнал, что Си Цюэ тоже никогда его не видела — Горный Дух всё время спал, к тому же людей он не ел.

Чу Мо разом облегченно выдохнул: он сможет выжить.

Что же до того, уйти ему или остаться — об этом Чу Мо пока не решался думать.

Если бы он попытался сбежать, то наверняка не смог бы скрыться от горных птиц. Лучше пожить на горе несколько дней, а если уж бежать, то сначала непременно нужно усыпить бдительность этих духов.

Чу Мо оглядел эту убогую соломенную хижину: внутри валялось множество охотничьих снастей, по всей видимости, это было временное пристанище, возведенное кем-то из спустившихся с гор охотников.

Сейчас шла весенняя пахота, и охотники, само собой, были заняты полевыми работами, но после окончания страды хозяева этого места наверняка вернутся.

Чу Мо сказал Си Цюэ:

— У этого места есть хозяин, долго мы здесь оставаться не сможем. Я хочу найти какую-нибудь пещеру или самому построить хижину из соломы.

Стоило Си Цюэ услышать, что Чу Мо собирается остаться, как она тут же радостно закружила над его головой.

— Ладно, я знаю, где растут хорошие деревья. Я отведу тебя туда.

Как только Чу Мо высказал эту мысль, он сразу перешел к действиям: у охотников остались ножи, и он, вооружившись одним из них, отправился рубить деревья для постройки жилья.

Си Цюэ наблюдала за ним: худенький, совсем мелкий мальчишка, а двигался на удивление быстро.

Хоть он и был маленьким бедняжкой, сам он вовсе не осознавал своей горемычности.

Стоило ему узнать, что Горный Дух не ест людей, как напускная робость и мрачность с его лица исчезли бесследно, а большие глаза стали ясными и сияли, словно гладь озера.

Судя по тому, как он засучил рукава, он собрался вить на горе гнездо и провести здесь остаток своих дней.

— Разве ты не пойдешь вниз с горы искать свою семью? — Си Цюэ уже пыталась разбередить рану в его сердце с помощью слов о предсмертной воле, но этот несчастный мальчишка оказался вовсе лишен злобы и обиды.

Чу Мо с безмятежным видом ответил:

— У нас больше нет ничего общего, я и сам смогу выжить.

— Верно, люди вообще сплошь скверные создания! — с некоторым гневом отозвалась Си Цюэ.

— Когда тигр только вернулся в горы, он тайком бегал вниз проведать детей, но однажды его заметили деревенские жители и захотели поймать, чтобы продать подороже. А потом какие-то негодяи воровали в деревне кур и уток, но в итоге всё свалили на месть со стороны тигра.

http://bllate.org/book/30321/3696749